

ЛЮМПЕНЫ

МАРЕНГО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

The American

18+

Татьяна Алхимова

Люмпены Маренго

<https://litres.ru/74101169>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если ты родился с глазами цвета маренго в день, когда не светило солнце, то вряд ли сможешь увидеть жизнь через призму других красок.

Чтобы найти себя достаточно ли сбежать из дома и отыскать друзей там, где никто никогда не подумал бы их искать? Аглая, что ест стекло. Мирко, меланхолично улыбающийся тишине. Грозная Лилит, ставшая не матерью, но защитой. Рудольф, унесённый весной. Никто не знает о них ничего. Даже они сами.

Очерчивая круг раз за разом, Маренго, бормоча единственное, важное для него имя, затягивает узел радиуса не только на своей шее. Он ищет выход. И он его найдёт.

Татьяна Алхимова

Люмпены Маренго

Глава 1

Я родился в день цвета маренго. Всю ночь шёл дождь, а когда приближающееся утро подарило надежду, капли его превратились в пелену тумана. Под ногами, над головой, за окнами большой больницы и в глазах матери отражался цвет асфальтовой безнадёжности, едва подкрашенный бликами голубой вывески. Моё появление на свет сопровождалось гулкой тишиной, нарушаемой быстрыми, уверенными шагами неонатолога и короткими фразами акушерки. Мать, ещё молоденькая, тщедушная – наивная душа в слабом теле – не смогла проронить ни звука, задушенная суточной усталостью и безнадёжностью положения. И я, её сын, тоже молчал. Смотрел на белый, туманный больничный мир маренговыми глазами.

Странно верить в удачу или счастье, если жизнь начинается со звонкого шлепка и заливистого плача боли. Я дышал, я видел и слышал, но не хотел оповещать округу о собственном появлении. Округе-то всё равно, а те, для кого сие событие имеет значение, и без истошного детского крика рано или поздно узнают о случившемся. Только никто меня

не спросил. Как не спрашивали никого из тех, кто рискнул явиться на свет.

Своих родителей я не заслужил: они оказались слишком добрыми людьми, любили меня и делали всё, что требовалось, и даже больше. Отведённые государством три года для установления связи ребёнок-мать, матушка моя использовала как положено, всю себя отдавая любимому чаду. Кормила меня грудью, купала в тёплой, подсоленной воде, делала массажи и показывала разноцветные погремушки. По утрам вывозила гулять в ближайший к дому сквер, а по вечерам выставляла коляску на балконе, чтобы сон у её малыша был крепким и здоровым. Она без устали варила овощи и перетирала их в пюре, запекала яблоки, разминала в кашницу бананы; пела песенки и читали прибаутки, ласково гладила по головке перед сном; вязала чудесные шапочки и носочки. Между ужином и ежевечерней ванной её сменял отец. С ним тоже было хорошо: он показывал мне, что есть в нашей квартире и не боялся приучить к рукам; строил кривые рожицы и что-то говорил серьёзное.

Конечно, я сам этого не помню, но из рассказов родителей собрал целый фильм и готов поклясться, что именно так всё и было. Да и фотографии не врут – на них я выглядел счастливым, упитанным ребёнком.

Часто, когда город заметает снегом и приходится кутаться во всё подряд, я вспоминаю наши вечера за просмотром альбомов и непременно тёплые, ностальгические улыбки. Луч-

шего отца и мать нельзя было желать. И мне жаль, что в сыновья им достался именно я, а не кто-нибудь другой. Мой младший брат и ещё более младшая сестра, – гораздо лучший выбор. Они хотя бы не считают, что живут в дрянном мире, и что окружающий их фарс, лицемерие и жестокость, – неискоренимы.

Я же, понаблюдав семнадцать лет за течением времени, за людьми и проявлениями их душ, принял решение бороться за себя. Но прошлое моё не так интересно, как настоящее, и оборачиваться – дурной тон. Особенно если ты там, где я. На дне.

Сегодня – день Маренго. День, когда из материнской утробы появился я, пропитанный дождём, меланхолией и нежеланием участвовать в суете, определяющей жизнь. И теперь, имея возможность остаться в стороне от всего, что не просто угнетало, а ломало, что мешало видеть реальность и создавать своё, пульсирующее, тёплое, понятное, не ограничивая себя ни в мыслях, ни в поступках, ни в чём ином, – теперь, – я могу сказать, что родился по-настоящему.

Впервые я убежал из дома в пятнадцать. Без особых на то причин: с родителями не ругался, в школе проблем не испытывал, с одноклассниками дружил, младших домашних не обижал. Просто встал утром, посмотрел в окно на первый чистый снег, белый-белый, как альбомный лист у брата на столе, и понял, что хочу оставить на нём свои следы, хочу проложить тонкую ниточку собственной дороги. И чтобы до-

рога эта вела непременно в будущее, о котором не имел ни малейшего представления.

Так что, вытряхнув из рюкзака учебники, я сложил туда самое необходимое: немного сэкономленных карманных денег, книгу, которую читал (кажется, это были рассказы По), пару носков, термос с чаем и шапку. Никто и не подумал, что я отправился в дальний путь, а вовсе не в школу. Младшие болели – мама была занята ими, а отец, как обычно, от подъезда пошёл направо, тогда как тропинка к школе вела через левый бок двора и детской площадки.

Выбравшись из двора, я не пошёл вдоль домов, а перебрался по переходу на другую сторону улицы, усердно делая вид, будто иду на автобусную остановку. С неё мы чаще всего доезжали до детской поликлиники – и если бы мне встретились на пути одноклассники, то никакого удивления не испытали бы. Но мне никто не встретился. Виной тому оказался первый снег или удача – не так уж и важно. Гораздо важнее то, что пока я смотрел в окно на мокрый город, лениво выбирающийся из ночной темноты, чувствовал себя совершенно счастливым. Безотчётно. Я только что не порхал. Тремор сердца передавался ладоням, и мне не терпелось выскочить на улицу.

Был ли у меня план? Нет. И сорокаминутная поездка в автобусе не помогла его рождению. Быстро написав классной руководительнице, что я застрял у врача и, скорее всего, сегодня в школе не появлюсь, – поплёлся дальше. В школе

знали, что дома – филиал лазарета, и это давало мне фору в несколько часов. Я спустился в метро и доехал до конечной.

Район незнакомый, с огромными прогалами между жилыми домами и шумом МКАД, тактично заглушённым широким шоссе, как бурная река, вытекающим из него. Кое-как отыскав кишку перехода, перекинутую через автомобильный поток, я сошёл на землю и двинулся в сторону от города. Хотя город всё ещё меня преследовал: плотная, цветная застройка районов за чертой Москвы не давала шанса опомниться, и минут через пятнадцать я уже почти бежал, чувствуя непривычное удушье.

Наверное, мой приличный вид ребёнка из хорошей семьи не мог смутить ни единого человека в тот день. Может, именно благодаря этому, все попутки, которые я отчаянно ловил, утрамбовывая грязь на обочине, непременно останавливались, и какое-то время ноги отдыхали.

Голова моя тогда была пуста. Я и в самом деле ни о чём не думал, сидел рядом с водителями и смотрел в окно, даже не на дорогу, потому что всю жизнь боялся вида убегающего под капот асфальтового полотна. А за окном тянулся след от моего будущего – оно было так далеко, тогда как я всё ещё здесь, тащился неведомо куда и страшно боялся сбиться с пути. Кое-где виднелись белые пятна снега, больше похожие на плесень, но в целом пейзаж удручал однообразием оттенков и пустотой. Кипящий котёл города не дотянулся до этих мест, и я невольно молился, чтобы обратного никогда

не случилось. Зачем?

Город – машина. Так всегда говорил папа, особенно если кто-то из новеньких у него на работе, приехавший покорять столицу, разочаровывался, выгорал и сбегал туда, где попроще. Мама в ответ на это смеялась и говорила, что весь мир – машина, люди – лишь маленькие винтики, а некоторые – шестерёнки; и что в этом нет ничего страшного. Когда деталь ломается, её меняют на новую. Отец начинал злиться и холодно бросал привычную фразу «я женился на циничной женщине», а после тут же расплывался в улыбке и ласково целовал её. Раньше меня это забавляло, и только недавно я понял, как они оба были правы.

У нас в школе, в кабинете труда для мальчиков, есть большой пластиковый ящик с треснувшей крышкой. Он стоит в самом углу за верстаком, и туда скидывается весь хлам: ржавые гвозди, саморезы с обломанными кончиками, тупые ножницы и обрезки проволоки, – в общем, всё то, что отслужило свой срок или сдалось на пути к цели. Учитель, Валерий Петрович, каждый раз, когда ему нужно что-то для казни (а проще говоря, для примера, – что может случиться, если...), он просит кого-нибудь из ребят покопаться на «дне мироздания», то бишь отправиться к ящику и достать оттуда некондицию. Забавно, что теперь и я...

В тот день, аккурат к концу восьмого урока, я был уже далеко от Москвы, где-то на полдороги до Казани, или чуточку ближе. Когда начало смеркаться, позвонила мама. Я честно

ответил, что погуляю пару часиков с друзьями и буду к ужину. Эта ложь далась мне с лёгкостью, видимо, потому, что в первый раз. Раньше причин и желания врать близким не существовало.

Будущее всё ещё было далеко, а я стоял у продуктового магазина в неизвестном городке и пытался высчитать, хватит ли мне денег на еду и какой-нибудь приют. Приют! Навивный пацанчик. За попыткой пролезть на ночёвку в полуразвалившийся гараж меня и схватили слишком бдительные местные жители. Так я и оказался в полицейском участке, угрюмый и молчаливый. Сказать было нечего. Вещи у меня отобрали, но то ли из жалости, то ли по другой причине, за решётку не посадили. Примостившись на дряхлом стуле, я старался не дышать – рядом стоял пухлый полицейский, на ремне которого болталась кобура с настоящим пистолетом. За столом устало заполняла бумажки женщина средних лет. Изредка она поднимала на меня взгляд, задавала вопросы и качала головой, когда снова не получала ответа.

Отец примчался под утро, почти с рассветом: взъерошенный, небритый и растерянный. А я-то ждал, что он будет страшно зол и, может, впервые в жизни накричит. Но ничего такого. На самом деле, я не знаю, что происходило за закрытыми дверями коридора, и как так вышло, что нашли меня моментально. По телеку и в интернете всегда писали, что отыскать сбежавшего человека сложно, что нужно собирать поисковые отряды, подключать МЧС и всё прочее.

Домой ехали молча. Я сидел сзади и всю дорогу рассматривал собственные ладони. Отец ничего не спрашивал и ничего не говорил. Между нами разрастался густой лес, страшные чёрные деревья тянули свои пушистые лапы друг к другу, запутываясь, сгущая тьму, не оставляя ни щёлочки для яркого солнечного света. Мой удел – чаща, а отца – опушка.

В тот день я впервые увидел мальчишку, с которым позже нас сведёт судьба: он сидел в приёмном отделении напротив меня, пока наши родители пытались разобраться с документами. Копна волнистых, едва выющихся волос, длиной до плеч, ясные, узкие глаза, формой своей повторяющие рисунок блаженной полуулыбки. Ему было от силы лет двенадцать, и полосатый лонгслив казался тюремной пижамкой, надетой на невсебешного заключённого. Я так долго пялился на него, что даже позабыл, где находился. Рассматривать паренька оказался крайне интересно, хотя бы потому, что лицо его выражало нечто невозможное к описанию словами. Минут пять спустя он лукаво мне подмигнул и, подхватив рослого, худощавого отца за руку, вышел на улицу.

Мы же ещё какое-то время провели в полиции и вернулись домой ближе к ночи. Я ждал скандала, ждал чего-то яркого и запоминающегося, уже представлял, как буду всю последующую жизнь вспоминать этот вечер со стыдом или смехом, но вышло наоборот. Ни стыда, ни смеха, ни чувства вины – меня будто отключили или оставили там, у магазина, в тёмной и сырой ночи. Младшие уже спали, справившись с

температурой, мама пила чай на кухне и с такой тоской посмотрела на меня, что я опустил взгляд в пол, но снова нагнулся на собственные ладони. В них не было ничего, что я хотел бы видеть: ни книги, ни судьбы.

Отец махнул рукой и спрятался в душ. Я стоял перед старым обеденным столом, напоминающим толстый, зажаристый блин. Тикали часы на стене, смежной с моей комнатой, – я занимал самую маленькую в квартире, но зато отдельную. Ради этого родители пожертвовали собственным спокойствием и перебрались в бывшую гостиную. Любовь, обращённая ко мне, лишила их приватности, идиллии совместных ночей и возможности побыть в одиночестве. А я сбежал. И на вопрос мамы «почему» не смог ничего ответить.

Она осторожно вздохнула, налила мне крепкого чая и подтолкнула к стулу.

– Выпей. Есть, наверное, хочешь?

– Нет, – соврал я.

– Я солянку приготовила.

– Мам.

– Хорошо, что тебя так быстро нашли. Ты понимаешь, чем всё могло обернуться?

Я промолчал.

– Не понимаю. Подростковый бунт? Плохая компания?

Но это ведь не то. Не о тебе.

– Не то.

– Ладно. Давай поговорим завтра?

– Как скажешь.

– Отец выйдет из душа, иди ты. А потом спать.

– И ключи оставь мне, – из-за спины раздался усталый голос отца. – Вторая бессонная ночь никому не нужна.

– Я не собираюсь убежать.

– Угу... Поэтому и сбежал вчера. Да? – он хмыкнул и подошёл ко мне с протянутой рукой. Я вытащил из кармана тяжёлую связку и опустил в его ладонь. – Спасибо. Мы обязательно поговорим утром. Для начала – между собой. Не знаю, что ты пытался нам сказать этим поступком, но должен понимать, что это было подло: твои брат и сестра болеют, мама от них отойти не может, замоталась. В школе, я уточнял, – у тебя нет никаких проблем. И мы вроде бы не имели с тобой конфликтов. Возможно, есть какие-то другие причины. Подумай над объяснением, хорошо?

– Подумаю.

– Ладно, оставь его, – мама поднялась и, осторожно улыбнувшись мне, подхватила отца под руку, чтобы увести в спальню. – Спокойной ночи.

Если отец надеялся, что я действительно стану обдумывать свою речь, то он ошибся. В ту ночь я лежал без сна в мягкой, свежей постели и рассматривал потолок: на него падали неверные отсветы уличного фонаря, с которым злобно играл ветер. Просыпались мелкие. Слышно было, как к ним по очереди вставали родители. Иногда соседи сверху включали воду в ванной или смывали унитаз – тогда я разбирал

смутное бормотание труб. Мне виделись глаза мальчишки из отделения: соседство проказливого взгляда с тоскливой, безликой глубиной. Если он тоже беглец, то что оставил позади? И зачем?

Может, он, как и я, просто понял, что надо уходить. И сделал это? Раньше я никогда не думал о незнакомых мне людях так много. Хватало родителей и брата с сестрой, одноклассников и других ближайших родственников, ребят со двора. Конечно, интерес проявлялся и к историческим личностям, о которых рассказывали в школе, и к музыкантам с актёрами, но всё это не казалось чем-то реальным, таким, как тот мальчишка. Может, это случилось потому, что я встретил его вне привычных ситуаций, увидел на другом фоне и под другим углом освещения. Он врезался в память навечно, и каждый день выходя на улицу, я искал его среди толпы.

Наутро, кстати, никакого разговора не последовало: отец спешно отправился на работу, чтобы компенсировать пропуск из-за моих поисков; а мама честно призналась, что «не хочет форсировать» и «говорить мы будем тогда, когда соберёмся вместе». Вместе мы собирались ото дня ко дню за ужином, реже – за завтраком. Но бесед не сложилось. Кто знает, посчитали родители меня безнадёжным или списали побег на подростковые заскоки; или не нашли в себе сил разобраться в причинах; или сыграло роль ещё что-то, мне неизвестное. Но спустя месяц все будто позабыли о моей выходке, и между нами воцарился привычный мир, понимание и

протянулись тёплые руки всепрощающей любви.